Черубина де Габриак

Какой литературный месяц, апрель 2012 года! Юбилеи на любой вкус: Аксаков и Герцен, аббат Прево и Филдинг, Герцен и Каверин, Осеева и Ахмадулина. Но какая отвратительная погода! Хочется сидеть в тепле и слушать сказки. И это правильно, ведь апрель традиционно месяц детских книг и сказочников. Поэтому я и расскажу сказку, сказку о Черубине, Прекрасной Даме, которой на самом деле и не было. Или была? Ведь в сборниках есть её стихи:

«Когда Медведица в зените
Над белым городом стоит,
Я тку серебряные нити,
И прялка вещая стучит…»

Так могла бы написать Парка, Звёздная Дева…Могла бы, но писал кто-то другой. Кто?

Об этом и сказка.

Жили-были в Санкт-Петербурге в начале XX века молодые люди – поэты и художники, остро ощущавшие, что живут «у бездны на краю». И решили они издавать журнал «Аполлон», посвящённый всяческим искусствам. Редактором этого журнала стал Сергей Маковский, эстет и сноб. Он публиковал в «Аполлоне» стихи Иннокентия Анненского, Николая Гумилёва, Максимилиана Волошина… Словом, тех, кого потом назовут «поэты серебряного века».

И вот однажды в конце лета 1909 года таинственный посыльный оставил в редакции письмо для Сергея Маковского. Письмо без обратного адреса и марки. Конверт был тёмно-сиреневым, от него странно и пряно пахло, так пахнут южные травы, высушенные нездешним жарким солнцем. Почтовая бумага тоже была сиреневой, и тоже странно и пряно пахла какими-то таинственными духами. На бумаге были стихи, написанные острым ломким почерком, напоминающим готический шрифт:

Лишь раз один, как папоротник, я
Цвету огнём весенней пьяной ночью…
Приди за мной к лесному средоточью
В заклятый круг приди, сорви меня!
Люби меня! Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче,
Я как миндаль, смертельна и горька,
Нежней, чем смерть, обманчивей и горче.

Ч…

Кто она такая, таинственная Ч? И тут зазвонил телефон. Маковский снял трубку. Женский голос в телефоне. Почти неуловимый акцент… «Я послала Вам сегодня свои стихи…» Из этого разговора Маковский выяснил, что буква «Ч» означает «Черубина» - таково имя женщины. Она иностранка, наполовину француженка. Её

полное имя – Черубина де Габриак. Де Габриаки – старинный графский род. Разговор прервался так же неожиданно, как и начался. Маковский понял: она в опасности, ей угрожают!

Так начался телефонный роман. Она писала сиреневые письма со стихами и изредка звонила. Она запретила разыскивать её в Петербурге - это опасно! Она уже пережила страшную трагедию - посмела любить недостойного, по мнению семьи, человека, бежала в Париж, её вернули и заперли. Теперь, когда сердце её разбито, она решила уйти в монастырь.

Стихами её бредила вся редакция, да что там – редакция! Ведь Петербург! Никто никогда не видел её, но все знали, что она прекрасна. Очарованный Сергей Маковский по крупицам, добытым из телефонных разговоров, составил портрет Черубины: у неё бронзово-рыжие волосы, яркие, резко очерченные, с опущенными уголками, губы, чуть прихрамывающая походка, подобающая колдунье.

Как-то на все редакционные деньги Маковский купил невероятной красоты букет и просил с её посыльного передать цветы Черубине. Она вернула цветы, потому что, как было сказано в приложенный к ним записке, могла бы их поставить только в прихожей. Господин Маковский совсем не знает языка цветов и не умеет обращаться с нечётными числами…

Несколько месяцев продолжалось это безумие, несколько месяцев вся редакция «Аполлона» в поисках Черубины бросалась из одного места Петербурга в другое. Везде её будто бы видели вот только что, но едва её почти настигали, она мистическим образом исчезала. Настоящая колдунья!

Сказка кончилась так же неожиданно, как и началась. Мистификация была раскрыта. Не было Черубины, была молодая школьная учительница, Елизавета Дмитриева, не богатая, не знатная, не слишком красивая, да к тому же ещё и хромоножка – последствия костного туберкулёза.

Эта девушка писала стихи, а в стихах – мчались кони, развевались плащи, звенели шпаги… Совсем в духе «Аполлона». Но Маковскому внешний лоск подавай – у невзрачной поэтессы он стихи не принял. Елизавета, Лилечка, как её называли, гостила у Макса Волошина в Коктебеле, он узнал о её поэтической неудаче, и они решили разыграть Маковского. Коряга, подобранная Лилей на пляже, напоминала чертёнка – габриока. Так появилась фамилия Габриак, если фамилия от чертёнка, то имя - от херувима. Херувим - Керубино – Черубина. А дальше – дело техники, как говорится…

Слава Черубины была мгновенной, счастья Елизавете Ивановне Дмиртиевой она не принесла. Более того, поползли какие-то сплетни слуха. Дело едва не закончилось дуэлью между Волошиным и Гумилёвым. Между тем серебряный век подходил к концу. Близилась

Первая мировая, а за ней – социалистическая революция. Время Рыцарей и Прекрасных Дам заканчивалось. Елизавету Ивановну Дмитриеву, в замужестве Васильеву, ждала жизнь вовсе не сказочная. Ждали её тяжелые испытания, но это уже совсем другая история.

© Л.Е. Сычева, главный библиотекарь